

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ И ПРЕКАРИАТ

МАСЛЮКОВА ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА,

*кандидат экономических наук, доцент,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: maslyukova@sfedu.ru;*

МАСКАЕВ АРТЕМ ИЛЬИЧ,

*преподаватель,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: maskaev@sfedu.ru*

Цитирование: Маслюкова, Е. В., Маскаев, А. И. (2019). Институциональные изменения в высшем образовании и прекариат // *Journal of Institutional Studies*, 11(4), 141-155. DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.4.141-155

Технологические изменения повышают роль наукоемких отраслей и человеческого капитала как факторов экономического роста, зависящих от институциональной среды. Институт высшего образования и науки имеет особое значение по трем причинам: во-первых, внутри него генерируются новые технологии и инновации; во-вторых, он обеспечивает создание и воспроизводство человеческого капитала, подготавливает высококвалифицированные кадры для национальной экономики; в-третьих, в системе высшего образования формируются элиты, которые будут осуществлять управление экономической и политической жизнью страны. В условиях системного кризиса отечественной экономики возник феномен «работающей бедности», а число граждан, живущих за чертой прожиточного минимума, увеличивается, несмотря на «цифровизацию» и рост «инновационности» экономики. Все большее распространение получают формы нестандартной занятости. Особенно остро стоит проблема занятости студентов и выпускников вузов – в настоящее время она не способствует осуществлению модернизации и экономическому развитию экономики России, а ведет к деградации творческого потенциала молодых специалистов. Попадание в прекариат прямо со студенческой скамьи обусловлено как индивидуальным выбором, так и глобальными тенденциями, проявляющимися в несоответствии структуры подготовки студентов и рынка труда. Существующее несоответствие спроса на рабочую силу на локальном рынке труда способствует усилению миграции выпускников определенных направлений в иные регионы страны в поисках работы или ведет к понижению квалификации выпускников с последующим включением в состав прекариата. Создание эффективной информационной системы взаимодействия регионального рынка труда и рынка образовательных услуг – один из способов преодоления возникших диспропорций.

Ключевые слова: институциональные изменения; сфера высшего образования; прекариат; рынок труда; неформальная занятость.

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 19-010-00651 «Выпускники университетов как новый прекариат».

INSTITUTIONAL CHANGE IN HIGHER EDUCATION AND PRECARIAT

ELENA V. MASLYUKOVA,

*Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: maslyukova@sfedu.ru;*

ARTYOM I. MASKAEV,

*Lecturer,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: maskaev@sfedu.ru*

Citation: Maslyukova, E. V., Maskaev, A. I. (2019). Institutional change in higher education and precariat. *Journal of Institutional Studies*, 11(4), 141-155. DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.4.141-155

Technological change is increasing the importance of knowledge-based industries and human capital as factors of economic growth, which also depend on the institutional environment. Higher education institution is essential for three reasons. Firstly, it generates new technologies and innovations. Secondly, it ensures the creation of human capital and prepares highly qualified personnel for the national economy. Thirdly, the higher education system forms elites that will govern the country's economic and political life. The phenomenon of "working poverty" appeared as a result of a systemic crisis in the domestic economy, when the number of citizens living below the subsistence level increases despite the "digitalization" and "innovativeness" of the economy. Various forms of precarious work are becoming more common. The problem of employment of students and graduates is a particular one; it impedes the modernization of the Russian economy, which leads to the degradation of the creative potential of young specialists. Individual choices and global trends determine the transformation of students into precarious, which manifests itself in a mismatch between the structure of student preparation and the labor market. Inconsistency of demand in the local labor market leads to the migration of graduates of certain specialties to other regions of the country in search of work, or this leads to a drop in qualifications and inclusion in the precariat. The creation of an effective information system for the interaction of the regional labor market and the educational services market is one way to overcome the imbalances that have arisen.

Keywords: institutional change; higher education; precariat; labor market; informal employment.

JEL: B52, I25, J24, Z13

***Acknowledgments.** This publication has been prepared in the framework of the project funded by the Russian Foundation for Basic Research (project № 19-010-00651) “University graduates as a new precariat”.*

Институциональные изменения в исторической перспективе

В 1921 г. Веблен называл «беспрецедентным» технологический прогресс за последние 150 лет, а спустя почти 100 лет описать масштаб технологических изменений еще сложнее. Веблен приходит к выводу, что рост производительности промышленности начала XX в. регулируется так, чтобы бизнесмены, осуществляющие контроль над экономикой страны, получили максимально возможную прибыль. Возникает парадокс, по которому длительный экономический рост сдерживается снижением эффективности промышленных предприятий в пользу интересов крупного капитала. Недоиспользование производственных мощностей, безработица или гибкие формы занятости являются естественными для такой модели рыночной экономики: «производство держится на уровне ниже максимального, насколько ниже – определяется обстоятельствами. Это всегда вопрос большей или меньшей незадействованности человеческих и промышленных ресурсов, и способность разумно регулировать этот показатель составляет главную мудрость для любого нормального промышленного предприятия» (Веблен, 2018, с. 18).

Технический прогресс и технологические «переходы» обуславливают формирование соответствующей институциональной среды. Повышается роль наукоемких отраслей, которые сформировали институциональный базис перехода к экономике знаний (Leydesdorff, 2010). Отличительной особенностью такого рынка является то, что поток технологических инноваций не только интегрирует уже существующие источники труда и капитала, но и создает новые. Технологические изменения оказывают непредсказуемое влияние на ресурсы, находящиеся в коллективном пользовании, создают и разрушают трудовые иерархии, меняют условия труда, создают угрозу для ренты, обеспечиваемой существующими заводами, оборудованием, навыками (Посухова, Маскаев, 2016; Вольчик, Посухова, 2016).

Среди теорий экономического роста, являющихся развитием подхода Солоу и учитывающих влияние технического прогресса, значительным продвижением вперед является модель Мэнкью-Ромера-Вейла. Пол Ромер формализует роль человеческого капитала как фактора эндогенного экономического роста, напрямую зависящего от действующей институциональной структуры. Инвестиции в человеческий капитал, согласно Г. Беккеру, это деятельность, которая увеличивает будущий доход посредством роста ресурсов человека. Инвестиции в человеческий капитал принимают различные формы: это не только обучение навыкам, связанным с производством и повышением квалификации, но и инвестиции в образование, информацию, здоровье и даже в улучшение нравственности и морали (Becker, 1962, p. 31).

Ромер доказывает, что инвестиций только в физический капитал и инновации недостаточно, если инвестиции в человеческий капитал отсутствуют, то экономика не может функционировать (верно также и обратное – без инвестиций в физический капитал одного человеческого капитала недостаточно). Для достижения потенциально возможного уровня выпуска, а в дальнейшем экономического роста, необходимо поддерживать баланс между уровнем инвестиций в развитие человека и техники: если они недостаточны или баланс смещен в ту или иную сторону, то уровень выпуска и экономический рост будут значительно ниже потенциального.

Пионером в попытке соединить пределы и ограничения технологии с пределами и ограничениями человеческой организации является Карл Маркс. Его подход к объединению технологических и институциональных изменений предполагал осуществление «фундаментальных изменений в человеческом поведении» (Норт,

2010, с. 169). Торстейн Веблен указал на необходимость учета роли промышленных и социальных технологий. Промышленные технологии представляют собой общий объем знаний, накопленный обществом и используемый в экономической деятельности. Социальные технологии направлены на увеличение человеческого капитала, что приобретает повышенное значение в условиях перехода к экономике знаний. Социально-экономическая трансформация повышает значение отраслей экономики, основанных только на знаниях и навыках человека. Поэтому мы считаем необходимым отдельно рассмотреть сферу образования и науки.

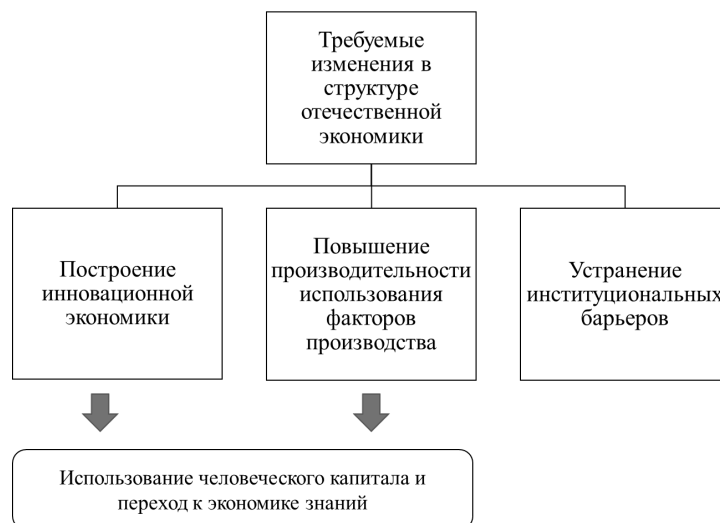

Рис. 1. Структурная трансформация экономики и роль человеческого капитала

Институт высшего образования и науки имеет особое значение по трем причинам: во-первых, внутри него и генерируются новые технологии и инновации; во-вторых, он сам является разновидностью социальных технологий, который обеспечивает создание и воспроизводство человеческого капитала, подготавливает высококвалифицированные кадры для национальной экономики; в-третьих, в системе высшего образования, особенно в привилегированных учебных заведениях, готовятся элиты, которые на основе полученных знаний, навыков, умений, а также мировоззренческих предпосылок будут осуществлять управление экономической и политической жизнью страны.

Вместо станков, стали и пшеница современная экономика приводится в движение инновациями и высококвалифицированными работниками. Принятие данного тезиса является необходимостью для построения экономики знаний, в этом случае повышение расходов на образование и науку становится единственной адекватной стратегией, направленной на экономическое развитие (Johnsen, 2016, p. 3). Для этого также необходимы соответствующие институциональные изменения, ведущие к новым формам взаимодействия, прежде всего, между наукой, образованием и бизнесом, а также властными структурами (см. рис. 1). Без наличия адекватной институциональной структуры невозможно осуществить эффективный трансферт техники и технологий из одного общества даже при наличии инфраструктуры, капитала и квалифицированной рабочей силы (для поддержания высокой квалификации должна существовать соответствующая материально-техническая база). Непрерывающиеся реформы системы образования (в особенности высшего образования) говорят о том, что место института образования и науки в отечественной системе общественно-экономических отношений еще не определено, а без этого вопросы, связанные с развитием человеческого капитала, также останутся без удовлетворительного ответа.

Использование знаний и технологий зависит от ценностей, возникающих под влиянием институтов – норм и правил, необходимых для интерпретации информации. На индивидуальном уровне влияние институтов проявляется еще заметнее, создавая рамку убеждений, через которую индивид воспринимает действительность. Получая знания о мире, в котором он осуществляет свою экономическую деятельность, актер овладевает способами и практиками, позволяющими наиболее эффективно использовать имеющиеся у него ресурсы в условиях институциональных ограничений. В результате коллективного действия вырабатываются неартикулируемые технологии взаимодействия с институтами. Мы можем дополнить схему институциональных изменений и экономического развития, определив место системы образования и науки. Образование оказывает влияние на формирование идей, убеждений, этики и доминирующей идеологии. Идеи, которые лежат в основе существования институтов, должны непрерывно передаваться и воспроизводиться в обществе, в дальнейшем происходит их осмысливание и опривычивание. Передача идей осуществляется в том числе и через нарративы, воспроизводящие существующий дискурс. Также институт образования напрямую воздействует на процессы создания, распространения и обучения использованию знаний и технологий.

Процесс реформирования высшего образования в России во многом схож с происходящими ранее изменениями в системах высшего образования западных стран (*Loomis, Rodriguez, 2009; Tahar, Boutellier, 2013; Holmberg, Hallonsten, 2015*). Основные общемировые тенденции, осуществляемые в России и мире: во-первых, встраивание в глобальный рынок образовательных услуг; во-вторых, переосмысление роли университета как бизнес-организации; в-третьих, увеличение востребованности и доступности образования за счет цифровых технологий. Одновременно это сопряжено с существованием определенного парадокса: «функционирование университета в рамках концепции нового менеджмента в сфере общественного сектора подразумевает работу в рыночных или квазирыночных условиях, что должно сопровождаться децентрализацией управленческих иерархий и увеличением автономии вузов, в то же время отмечается сокращение академических свобод и ужесточение контроля за деятельностью университета через систему целевых показателей» (*Вольчик, Мaskaев, Савко, 2017, с. 147*).

Особенность системы высшего образования проявляется в типе производимых благ, они одновременно являются частными, смешанными и общественными. Без достаточного уровня образования в обществе невозможно функционирование развитых институтов и распространение социальных ценностей, направленных на экономическое развитие. Рассмотрение с точки зрения оригинального институционализма позволяет учесть влияние идей, идеологии, политики и ценностей (*Elsner, 2012*).

Одним из примеров таких ценностей являются академические свободы. Если единственной концепцией высшего образования становится предпринимательский университет (*Clark, 1998*), то происходит размывание или разрушение ценностей, присущих академии: на место тяги к познанию придет излишняя заинтересованность в получении дополнительных доходов (*Valentinov, 2011*). Возможность трансформации знаний и технологий в коммерческий продукт зависит от действующей институциональной структуры и индивидуальных стимулов, о чем уже говорилось ранее, а также от внутриорганизационных особенностей учреждений науки и образования: «...прежде чем рассуждать о капитализации знания, мы должны принять во внимание микроструктуру мотиваций, норм, потенциала и ресурсов конкретного ученого, участвующего в «производстве инноваций», рассмотреть, например, проблемы сложности и комплексного характера информации, которой владеет ученый, когнитивный горизонт и этические нормы, принятые в данном сообществе исследователей» (*Головко, Дегтярева, Мадюкова, 2014*).

Если ряд тенденций (таких как прекаризация профессии преподавателя и научного работника, отстранение профессионального сообщества от принятия решений, мнимая дебюрократизация и введение принципов тейлоризма в управлении образованием) совпадает с общемировыми, то сокращение численности исследователей в России противоречит значительному росту занятых в науке и образовании в развитых странах. Как указывает Евгений Онищенко: «По данным Организации экономического сотрудничества и развития, с 2005 по 2015 г. численность исследователей увеличилась на 98%, в Италии – на 53%, в Китае – на 44%, во Франции – на 37%, в США – на 25%, в Великобритании – на 15%» (Онищенко, 2018).

Для нашей страны в условиях системного экономического кризиса, когда потребительские доходы падают пятый год подряд, возник феномен «работающей бедности», а число граждан, живущих за чертой прожиточного минимума, увеличивается, несмотря на «цифровизацию» и рост «инновационности» экономики. Идеализация цифровой революции в науке и образовании как универсального средства по достижению экономического роста может привести к разочарованию в современных технологиях и институтах.

Прекариат и занятость молодежи

Внедрение новых технологий, повышающих уровень автоматизации и цифровизации экономики, способствует увеличению выработки, но также приводит к неоднозначным социальным последствиям: высвобождение занятых и сокращение платежеспособности населения, переход к нестандартным формам занятости (Han, 2018).

Отличительными особенностями нестандартных форм занятости является гибкость затрачиваемого на работу времени и гибкость получаемых доходов, а также неопределенность и отсутствие (или размытость) правового статуса (может быть компенсировано развитием традиции договора и договорного права). «По сути, эта гибкость означала, что наемных работников можно ставить во все более уязвимое положение – под предлогом того, что это необходимая жертва происходящей глобализации и модернизации ради сохранения существования организации (производства) и, соответственно, рабочих мест. И в этих условиях любые затруднения в развитии экономики, конкретного производства объясняли негибкостью и отсутствием структурных реформ рынка труда» (Тощенко, 2018а, с. 28).

Гай Стэндинг назвал процесс перехода от постоянной, стабильной занятости к менее оплачиваемой и менее защищенной работе прекаризацией, а возрастающую массу людей, действующих в подобных условиях, – прекариатом. Прекариат возникает из-за противоречий между технологическими изменениями, появлением институтов и проводимой экономической политикой. «Прекариат – не просто нестандартная занятость, а ее вынужденные, незащищенные и ненадежные разновидности, при которых положение ее носителей ухудшается и становится нестабильным, негарантированным во всех аспектах: экономическом, правовом, социальном, психологическом» (Маслова, 2017, с. 180).

Особую проблему представляет занятость студентов и выпускников вузов – в настоящее время она не способствует осуществлению модернизации и экономическому развитию экономики России, а также ведет к недоиспользованию творческого, созидательного потенциала труда молодых специалистов (Тощенко, 2018б, с. 195). Попадание в прекариат прямо со студенческой скамьи обусловлено как индивидуальным выбором, так и диспропорциями в структуре подготовки студентов и извращенностью рынка труда (Lazar, Sanchez, 2019; Bessant, 2018). На индивидуальном уровне оказывает влияние желание студентов начать работать на этапе обучения. «На эту работу соглашаются лица, особенно молодого возраста, стремящиеся найти себя, попробовать себя на разных видах деятельности, обрести производственный опыт, определиться с жизненными

перспективами и предпочтениями. Они не особенно заботятся о закреплении навыков ранее полученного образования – для них особое значение приобретает поиск самого себя в жизни, в труде, в возможности проявить себя и найти лучшее применение своих способностей, в стремлении достичь некоторых, часто неопределенных жизненных установок» (Тощенко, 2018b, с. 135). Таким образом, изначально студент вынужден искать формы нестандартной занятости для совмещения работы и учебы: либо не вкладывая в работу достаточно сил для карьерного роста, либо ограничиваясь «формальным» получением высшего образования. Из этого вытекает следующая проблема индивидуального выбора – дихотомия «опыт работы / образование». Существующая модель рынка труда осложняет выход на рынок труда молодому специалисту без опыта работы, но это априори означает пониженное качество образования и, как следствие, недостаток подготовки в долгосрочной перспективе.

Второй блок причин, толкающих студентов в прекариат, – структурный. Создание единого глобального рынка труда и капитала должно было привести к максимально эффективному использованию и выравниванию стоимости труда и капитала вне зависимости от территориальной дислокации. Это и есть главная особенность глобального рынка, но в силу своей специфики произошла глобализация финансово-промышленного капитала и лишь частичная глобализация труда (Paret, 2018). Так, особенности технологического развития позволяют выполнять лишь часть деятельности, связанной с использованием труда, удаленно. Специалисты, работающие в IT-секторе, по сути выходят за границы национального рынка труда и получают заработную плату на основании глобальной конкуренции. С другой стороны, трудовые ресурсы, которые оказались «заперты» на локальном рынке, вынуждены снижать притязания на заработную плату или переходить к новым нестандартным формам занятости. Низкий уровень зарплат по получаемой специальности или ограниченное количество рабочих мест вынуждают выпускника встать на путь прекариата. Со временем полученные навыки и знания устаревают или утрачиваются, и временная занятость становится «постоянной». Таким образом, зачастую не стремление к мобильности и гибкости объясняет выбор нестандартной занятости, а «низкий уровень жизни, невозможность найти работу по специальности, экстремальные или сложные жизненные ситуации» (Тощенко, 2018b, с. 134) и структурные провалы рынка труда (рис. 2).

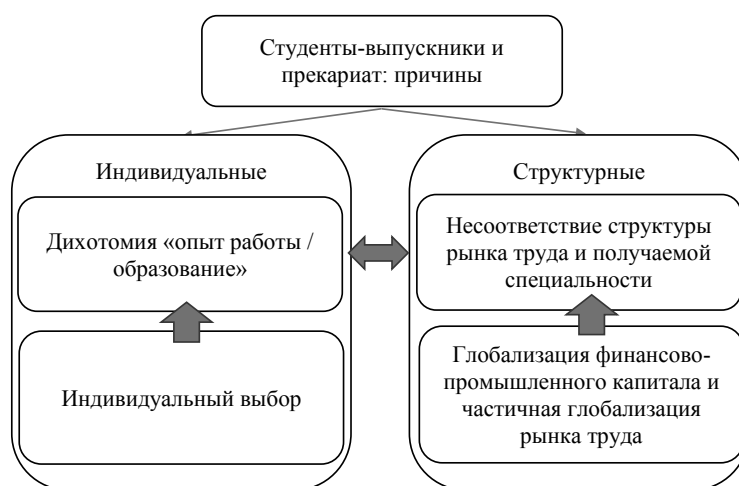

Рис. 2. Студенты-выпускники и прекариат: причины

Исследования иностранного рынка труда во взаимосвязи с высшим образованием показывают несомненный положительный эффект. Так, незащищенность работника, обладающего низким уровнем образования, в развитых странах выше в 2–4 раза (Thelen, 2019).

Изменение структуры российского высшего образования по направлениям подготовки

Образовательная политика, включающая стратегии образования, должна базироваться на закономерностях формирования образовательных потребностей различных уровней, механизме формирования спроса на образовательные услуги и факторах, которые его определяют. Инвестиции в образование и профессиональную подготовку являются важнейшим фактором повышения конкурентоспособности и обеспечения постоянного роста экономики. При этом в России за последние годы государственные расходы на высшее образование характеризуются наиболее низким уровнем по сравнению со странами Европейского союза. Анализ госрасходов Российской Федерации на образование (в % к валовому внутреннему продукту) в сопоставлении с различными странами показывает, что расходы на образование в нашей стране значительно ниже, чем в развитых и большинстве развивающихся странах (Абанкина, Абанкина, Николаенко, Филатова, 2013, с. 55).

В последние годы существенно меняется структура направлений подготовки по программам высшего образования. С одной стороны, происходит сокращение общего числа образовательных организаций высшего образования, а с другой – их укрупнение. Так, по состоянию на начало 2010/11 учебного года общее число образовательных организаций высшего образования составляло 1115, в 2015/16 – 896, в 2016/17 – 818. Также более чем в два раза сократилось количество филиалов образовательных организаций высшего образования: (1663 по состоянию на начало 2010/11 учебного года и 840 по состоянию на начало 2016/17)¹. При этом если на начало 2010/11 учебного года численность студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования (программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры), на 10 000 чел. населения составляла 493 чел., к началу 2016/17 учебного года она снизилась до 300 чел. Изменения в структуре системы образования отражаются на распределении бюджетных мест обучения по образовательным программам высшего образования.

Изучение аналитических материалов мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования Южного федерального округа за 2015–2018 гг. (данные мониторинга до 2015 г. несопоставимы, а результаты за 2019 г. еще не опубликованы) показало, что приведенный контингент обучающихся неуклонно сокращается. Наибольшее сокращение произошло по таким направлениям, как «Науки об обществе» (–28 тысяч), «Инженерное дело, технология и технические науки» (–6 тысяч), но это по-прежнему самые распространенные направления подготовки.

Таблица 1

Структура приведенного контингента обучающихся по направлениям подготовки в ЮФО

Направления подготовки	2015	2016	2017	2018	Изменения с 2014 по 2018
Науки об обществе	109495	93791	88411	81479	–28016
Образование и педагогические науки	19360	18558	20073	21066	+1706
Гуманитарные науки	14152	13888	14813	15039	+887
Искусство и культура	5965	6792	6597	6666	+701
Математические и естественные науки	12747	12044	12118	12259	–488
Инженерное дело, технологии и технические науки	79646	73802	74325	73633	–6013

¹ См.: Индикаторы образования: 2018: Статистический сборник / Н. В. Бондаренко, Л. М. Гохберг, Н. В. Ковалева и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2018. С. 122–123.

Окончание табл. 1

Направления подготовки	2015	2016	2017	2018	Изменения с 2014 по 2018
Здравоохранение и медицинские науки	24132	25498	26891	28278	+4126
Сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки	11865	10883	10899	10845	-1020
Всего	277362	255256	254127	249265	-28097

Источник: Составлено авторами на основе Информационно-аналитических материалов по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования.
(<http://indicators.miccedu.ru/monitoring/2018/index.php?m=vpo>).

В настоящее время в общественном сознании доминирует представление об избыточном количестве обучающихся по специальностям социально-гуманитарной направленности. Даже значительное сокращение числа обучающихся по этим направлениям не приводит к изменению данного дискурса.

Трудоустройство и прекариатизация молодежи

В российской практике широко используется показатель трудоустройства. Сравнительный анализ этого показателя может косвенно служить отражением тенденций прекариатизации. Нетрудоустроенная молодежь пополняет ряды теневого сектора.

Для российского рынка характерен количественный и качественный дисбаланс спроса и предложения рабочей силы на рынке труда вследствие недостаточного уровня эффективности взаимодействия работодателей с организациями высшего образования. Также можно выделить характерную для российского рынка труда проблему – несоответствие выбора абитуриентом образовательных программ реалиям рынка труда и потребностям рынка. Существующий дисбаланс проявляется во взаимосвязи между уровнем прекаризации рынка труда и количества студентов, которые трудоустроились после университета по полученной специальности. Прекаризация рынка труда означает увеличение уровня нестабильности в обществе, так как в состав прекариата входят те работники, которые работают в неподходящих для них условиях (чаще всего это занятость без заключения трудового договора, а значит, без наличия всех необходимых для работника гарантий). И большую долю в составе прекариата занимает именно молодежь, которая после неудачи с трудоустройством по специальности готова устроиться на временную работу, на работу с частичной занятостью (part-time employment) или же работать по другой специальности (что приводит к потере профессиональной квалификации работника, полученной им в университете).

Анализ взаимосвязей локального рынка образовательных услуг и рынка труда проведен на основе сопоставления структуры занятости населения в общем и отдельно по видам экономической деятельности, а также структуры подготовки специалистов вузами Южного федерального округа.

Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры, во всех образовательных организациях высшего образования округа заметно сокращается начиная с 2011 г. (с 585,9 тыс. чел. в 2011/12 учебном году до 420,9 в 2017/18 учебном году). Для того чтобы иметь лучшее представление о спросе на локальном рынке труда, а также соответствует ли он предложению профессионально-квалификационного состава рабочей силы, был в первую очередь рассмотрен показатель

среднегодовой численности занятых в экономике по основным видам экономической деятельности (рис. 3).

Рис. 3. Среднегодовая численность занятых в экономике ЮФО по основным видам экономической деятельности в 2017 г.²

Численность занятых по таким видам экономической деятельности, как «Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования» и «Транспорт и связь», с каждым годом возрастает. Что касается таких видов экономической деятельности, как «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; рыболовство», «Обрабатывающие производства» и «Здравоохранение и предоставление социальных услуг», то здесь с 2012 г. наблюдается спад. Несмотря на сокращение численности занятого населения в названных видах экономической деятельности, предоставление образовательных услуг по соответствующим специальностям в вузах не сокращается. При этом уровень трудоустройства выпускников по группе направлений подготовки «Сельское, лесное и рыбное хозяйство» достаточно высокий и составляет 72%. Уменьшается количество трудоустроенных выпускников по специальностям «Клиническая медицина» и «Фундаментальная медицина», что совпадает с тенденцией по численности занятых в общем в «Здравоохранении и предоставлении социальных услуг». Однако численность обучающихся по соответствующим специальностям в вузах региона только растет.

Существующее несоответствие спроса на рабочую силу на локальном рынке труда по определенным видам деятельности и предложения на рынке образовательных услуг способствует усилению миграции выпускников определенных направлений в иные регионы страны в поисках работы.

Большинство выпускников, окончивших вузы в ЮФО, предпочитают искать трудоустройство в Москве, однако значительная часть выпускников московских

² (<https://www.gks.ru/>)

вузов возвращается. Это может быть следствием того, что уроженцы округа, получив высшее образование в столице, возвращаются обратно. На втором месте по количеству приезжих в ЮФО находятся выпускники вузов Северо-Кавказского федерального округа. Это прилегающий к Южному федеральному округу, и, скорее всего, он имеет меньше предоставляемых рабочих мест, так что выпускники вынуждены мигрировать. Практически одинаковое количество приехавших и уехавших наблюдается с Дальневосточным федеральным округом, Северо-Западным федеральным округом и Уральским федеральным округом. Стоит также отметить, что из Центрального федерального округа мигрируют в ЮФО в целях трудоустройства на 48% больше выпускников, чем из ЮФО в Центральный (рис. 4).

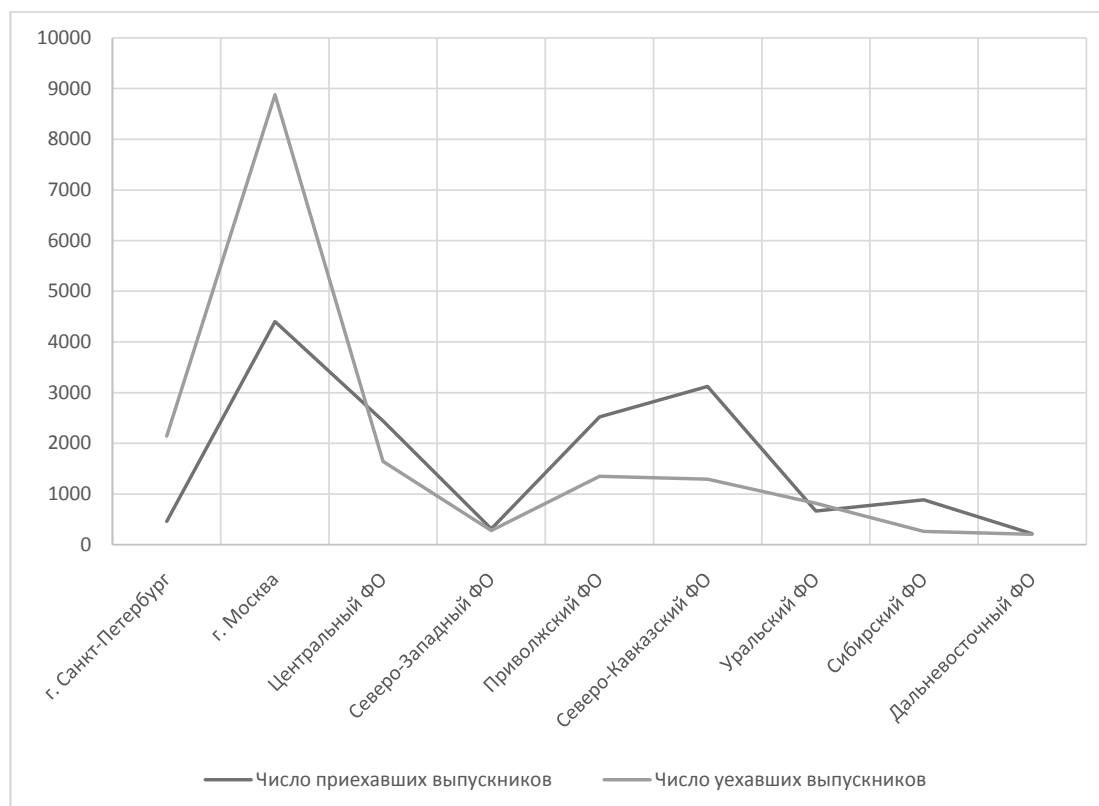

Рис. 4. Миграционная ситуация выпускников вузов в ЮФО³

Основными проблемами слабого функционирования и взаимодействия регионального рынка образовательных услуг и рынка труда могут быть недостаточная информационная обеспеченность между субъектами двух рынков; несоответствующее финансирование развития рынка образовательных услуг в округе; недостаточное содействие выпускникам в их трудоустройстве; недостаточные или неэффективные профориентационные и довузовские подготовки.

Решением данных проблем может служить создание эффективной информационной системы взаимодействия регионального рынка труда и рынка образовательных услуг.

Заключительные замечания

Институциональные изменения и новые знания находятся во всеобщей диалектической взаимосвязи. С одной стороны, институциональная организация

³ Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования. (<http://indicators.miccedu.ru/monitoring/2018/index.php?m=vpo>).

оказывает непосредственное влияние на создание нового знания и технологий, а институциональная структура способствует или ограничивает использование и распространение знаний. С другой стороны, новые технологии выводят экономику из равновесного состояния; приводят к перераспределению прав собственности; социально-гуманитарные знания, воплощаясь в институтах через образование, трансформируют культуру и идеи, существующие в обществе, что приводит к институциональным изменениям как ответу на существующие в обществе запросы и вызовы.

Рынок труда не является исключением, повышение производительности труда оборачивается высвобождением «избыточной рабочей силы» и сокращением платежеспособного спроса, что вынуждает работника находить новые формы занятости. Вынужденная незащищенная временная занятость с отсутствием экономических, правовых и социальных гарантий приводит к формированию прекариата. Феномен прекариата заставляет исследователей в рамках общественных наук изменить подходы к анализу занятости, изменению условий труда, а также переосмыслить традиционные модели как в экономической теории, так и в социологии, связанные с трудовыми отношениями (Kiersztyn, 2017). Особой проблемой является занятость студентов и выпускников вузов: индивидуальный выбор или структурные факторы могут обеспечить переход в статус прекариата прямо со студенческой скамьи.

В последние годы существенно меняется структура направлений подготовки по программам высшего образования. С одной стороны, происходит сокращение общего числа образовательных организаций высшего образования, а с другой – их укрупнение. Изменения в структуре системы образования отражаются на распределении бюджетных мест обучения по образовательным программам высшего образования, что отражается на трудоустройстве выпускников. Анализ показателя трудоустройства выпускников показывает, что нетрудоустроенная молодежь пополняет ряды теневого сектора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абанкина, И. В., Абанкина, Т. В., Николаенко, Е. А., Филатова, Л. М. (2013). Сравнительная характеристика систем высшего образования зарубежных стран: конкурентные методы финансирования // *Экономика образования*, 1, 53–73.

Веблен, Т. Б. (2018). Инженеры и ценовая система. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Вольчик, В. В., Маскаев, А. И., Савко, П. О. (2017). Институциональные и организационные изменения при слиянии вузов // *Journal of Institutional Studies*, 9 (3), 147–163.

Вольчик, В. В., Маслюкова, Е. В. (2019). Реформы, неявное знание и институциональные ловушки в сфере образования и науки // *Terra Economicus*, 17 (2), 146–162.

Вольчик, В. В., Посухова, О. Ю. (2016). Прекариат и профессиональная идентичность в контексте институциональных изменений // *Terra Economicus*, 14 (2), 159–173.

Головко, Н. В., Дегтярева, В. В., Мадюкова, С. А. (2014). Предпринимательский университет и теория тройной спирали // *Высшее Образование в России*, (8–9).

Маслова, Е. В. (2017). К вопросу о методике выявления слоя прекариев на основе анализа стандартной и нестандартной форм занятости // *Вестник ВИВТ*, (2), 175–182.

Норт, Д. (2010). Понимание процесса экономических изменений. М.: Высшая школа экономики (Государственный университет).

Онищенко, Е. (2018). Полтриллиона на науку: войдет ли Россия в первую пятёрку // *Газета.ру. Наука*.

Посухова, О. Ю., Маскаев, А. (2016). Прекариат мегаполиса и профессиональная идентичность в контексте неявного знания // *Journal of Institutional Studies*, 8 (4), 92–105.

Тощенко, Ж. (2018а). Новое явление в социальной структуре общества: прекариат // *Общество и экономика*, (11), 25–45.

Тощенко, Ж. Т. (2018b). Прекариат: от протокласса к новому классу: Монография / Институт социологии ФНИСЦ РАН, РГГУ. М.: Наука, 350 с.

Becker, G. S. (1962). Investment in human capital: A theoretical analysis // *Journal of political economy*, 70 (5, Part 2), p. 31.

Bessant, J. (2018). Young precariat and a new work order? A case for historical sociology // *Journal of Youth Studies*, 21 (6), 780–798.

Clark, B. R. (1998). Creating Entrepreneurial Universities: Organizational Pathways of Transformation. Issues in Higher Education. ERIC. Retrieved from. (<http://eric.ed.gov/?id=ED421938>).

Elsner, W. (2012). The Theory of Institutional Change Revisited: The Institutional Dichotomy, Its Dynamic, and Its Policy Implications in a More Formal Analysis // *Journal of Economic Issues*, 0 (1), 1–44. (<https://doi.org/10.2753/JEI0021-3624460101>).

Han, C. (2018). Precarity, precariousness, and vulnerability // *Annual Review of Anthropology*, 47, 331–343.

Holmberg, D., Hallonsten, O. (2015). Policy reform and academic drift: research mission and institutional legitimacy in the development of the Swedish higher education system 1977–2012 // *European Journal of Higher Education*, 5 (2), 181–196.

Johnsen, H. C. G. (2016). The new natural resource: Knowledge development, society and economics. Routledge, p. 3.

Kiersztyn, A. (2017). Non-standard employment and subjective insecurity: how can we capture job precarity using survey data? In *Precarious Work* (pp. 91–122). Emerald Publishing Limited.

Lazar, S., Sanchez, A. (2019). Understanding labour politics in an age of precarity // *Dialectical Anthropology*, 43 (1), 3–14.

Leydesdorff, L. (2010). The Knowledge-Based Economy and the Triple Helix Model // *Annual Review of Information Science and Technology*, 44 (1), 365–417.

Leydesdorff, L. (2012). The triple helix, quadruple helix... and an N-tuple of helices: explanatory models for analyzing the knowledge-based economy? // *Journal of the Knowledge Economy*, 3 (1), 25–35.

Loomis, S., Rodriguez, J. (2009). Institutional Change and Higher Education // *Higher Education*, 58 (4), 475–489.

Paret, M. (2018). Building Labor Solidarity in Precarious Times: The Danger of Union Paternalism // *Labor Studies Journal*. DOI: 10.1177/0160449X18814310.

Tahar, S., Boutellier, R. (2013). Resource Allocation in Higher Education in The Context of New Public Management // *Public Management Review*, 15 (5), 687–711.

Thelen, K. (2019). The American Precariat: US Capitalism in Comparative Perspective // *Perspectives on Politics*, 17 (1), 5–27.

Valentinov, V. (2011). The Meaning of Nonprofit Organization: Insights from Classical Institutionalism // *Journal of Economic Issues*, 0 (4), 901–916. (<https://doi.org/10.2753/JEI0021-3624450408>).

Volchik V., Maslyukova, E. (2019). Trust and Development in Education and Science // *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, 6 (3), 1444–1455.

Zafirovski, M. (2019). The dark side of capitalism – in orthodox economics? // *The European Journal of the History of Economic Thought*, 1–52.

REFERENCES

Abankina, I., Abankina, T., Nikolayenko, E., Filatova, L. (2013). Comparative characteristics of higher education systems of foreign countries: competitive funding methods. *Economics of Education*, 1, 53–73. (In Russian).

Becker, G. S. (1962). Investment in human capital: A theoretical analysis. *Journal of political economy*, 70 (5, Part 2), 31.

Bessant, J. (2018). Young precariat and a new work order? A case for historical sociology. *Journal of Youth Studies*, 21 (6), 780–798.

Clark, B. R. (1998). Creating Entrepreneurial Universities: Organizational Pathways of Transformation. Issues in Higher Education. ERIC. Retrieved from. (<http://eric.ed.gov/?id=ED421938>).

Elsner, W. (2012). The Theory of Institutional Change Revisited: The Institutional Dichotomy, Its Dynamic, and Its Policy Implications in a More Formal Analysis. *Journal of Economic Issues*, 0 (1), 1–44. (<https://doi.org/10.2753/JEI0021-3624460101>).

Golovko, N. V., Degtyareva, V. V., Madyukova, S. A. (2014). Entrepreneurial University and the Triple Helix Theory. *Vysshee Obrazovanie v Rossii (Higher Education in Russia)*, 8–9. (In Russian).

Han, C. (2018). Precarity, precariousness, and vulnerability. *Annual Review of Anthropology*, 47, 331–343.

Holmberg, D., Hallonsten, O. (2015). Policy reform and academic drift: research mission and institutional legitimacy in the development of the Swedish higher education system 1977–2012. *European Journal of Higher Education*, 5 (2), 181–196.

Johnsen, H. C. G. (2016). The new natural resource: Knowledge development, society and economics. Routledge, 3.

Kiersztyn, A. (2017). Non-standard employment and subjective insecurity: how can we capture job precarity using survey data? In *Precarious Work* (pp. 91–122). Emerald Publishing Limited.

Lazar, S., Sanchez, A. (2019). Understanding labour politics in an age of precarity. *Dialectical Anthropology*, 43 (1), 3–14.

Leydesdorff, L. (2010). The Knowledge-Based Economy and the Triple Helix Model. *Annual Review of Information Science and Technology*, 44 (1), 365–417.

Leydesdorff, L. (2012). The triple helix, quadruple helix... and an N-tuple of helices: explanatory models for analyzing the knowledge-based economy? *Journal of the Knowledge Economy*, 3 (1), 25–35.

Loomis, S., Rodriguez, J. (2009). Institutional Change and Higher Education. *Higher Education*, 58 (4), 475–489.

Maslova, E. V. (2017). To the Question about the Technique of Revealing Layer Precarias Based on the Analysis of Standard and Non-Standard Forms of Employment. *Vestnik VIVT*, 2, 175–182. (In Russian).

North, D. (2010). Understanding the Process of Economic Change. Moscow: Higher School of Economics (State University). (In Russian).

Onishchenko, E. (2018). Half a Trillion in Science: will Russia Enter the Top Five. *Gazeta.ru. Nauka*. (In Russian).

Paret, M. (2018). Building Labor Solidarity in Precarious Times: The Danger of Union Paternalism. *Labor Studies Journal*. DOI: 10.1177/0160449X18814310.

Posukhova, O. Yu., Maskaev, A. I. (2016). Precarity of Megapolis and Professional Identity in the Context of Tacit Knowledge. *Journal of Institutional Studies*, 8 (4), 92–105. (In Russian).

Tahar, S., Boutellier, R. (2013). Resource Allocation in Higher Education in The Context of New Public Management. *Public Management Review*, 15 (5), 687–711.

Thelen, K. (2019). The American Precariat: US Capitalism in Comparative Perspective. *Perspectives on Politics*, 17 (1), 5–27.

Toshenko, Zh. (2018a). On the Formation of a New Social Stratum, Termed “Precariat”, as a Totally New Phenomenon. *Society and Economy*, (11), 25–45. (In Russian).

Toshenko, Zh. (2018b). Precariat. From Protopclass to New Class. Moscow Nauka. (In Russian).

Valentinov, V. (2011). The Meaning of Nonprofit Organization: Insights from Classical Institutionalism. *Journal of Economic Issues*, 0 (4), 901–916. (<https://doi.org/10.2753/JEI0021-3624450408>).

Veblen, T. B. (2018). The Engineers and the Price System. Moscow: Ed. house of Higher school of Economics. (In Russian).

Volchik, V. V., Maskaev, A. I., Savko, P. O. (2017). The Merging of the Higher Educational Institutions: Institutional and Organizational Change. *Journal of Institutional Studies*, 9 (3), 147–163. (In Russian).

Volchik, V. V., Maslyukova, E. V. (2019). Reforms, Tacit Knowledge, and Institutional Traps in Education and Science. *Terra Economicus*, 17 (2), 146–162. (In Russian).

Volchik, V. V., Posukhova, O. Yu. (2016). Precarity and Professional Identity in the Context of Institutional Change. *Terra Economicus*, 14 (2), 159–173. (In Russian).

Volchik, V., Maslyukova, E. (2019). Trust and Development in Education and Science. *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, 6 (3), 1444–1455.

Zafirovski, M. (2019). The dark side of capitalism—in orthodox economics? *The European Journal of the History of Economic Thought*, 1–52.